

Мас.
10222

С. 3

МЕЖДУ ПРОЧИМЪ.

Герои отвлеченной морали.

Прошлый раз, говоря о драмѣ Антонова Челова — «Ивановъ», я замѣтилъ, что въ ней, кромѣ главнаго героя, интересенъ еще типъ доктора Львова. Типъ этотъ, повидимому, очень интересуетъ автора пьесы, такъ какъ въ послѣдней своей повѣсти «Дуэль» онъ снова обратился къ его изображенію и нарицательный pendant къ личности Львова. Сходство между этими лицами не ограничивается нѣ внутренними свойствами, нѣ, такъ сказать, нравственной физиономіей, но простирается даже до полнаго подобія той роли, которую играетъ въ перипетіяхъ повѣсти одинъ, и въ перипетіяхъ драмы другой. Впрочемъ въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго — одинаковыя причины влекутъ за собой и одинаковыя слѣдствія, и люди, глядящіе на жизнь подъ однимъ и тѣмъ же угломъ зрѣнія, ибравшіе всѣхъ встрѣчающихся имъ на жизненномъ пути людей и всѣ законы нѣхъ явленія одинаки тѣмъ же аршиномъ, естественно должны проявлять большее сходство въ своихъ дѣйствіяхъ и въ своихъ ошибкахъ.

И, дѣйствительно, ошибка, въ которую впадаетъ Львовъ относительно Иванова, совершенно аналогична съ ошибкой фонъ-Корена относительно Лаевского (героя повѣсти «Дуэль»). Главная бѣда такихъ людей, какъ Львовъ и фонъ-Корень, заключается въ томъ, что, при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ — недюжинномъ умѣ и безусловной честности, — у нихъ слишкомъ мало того, что одно только даетъ настоящую цѣну всему прочему — слишкомъ мало любви. «Вѣра безъ дѣла мертва есть» — это старинная истина, а дѣла можно дѣлать только помощью и силою любви. Только любовь можетъ воодушевить человѣка и придать значеніе всѣмъ остальнымъ его достоинствамъ, какъ единица даетъ значеніе цѣлому ряду нулей, которые безъ нея остаются не болѣе, какъ нулями. И при этомъ мало одной голодной, разсудочной любви къ ближнему, мало любить только *человѣчество*, — нужна еще теплая, сердечная любовь. Надо еще уметь любить *человѣка*. А у такихъ героевъ отвлеченной любви къ ближнему, какъ Львовъ и фонъ-Корень, не хватаетъ именно этой послѣдней любви — они слишкомъ много живутъ головой и слишкомъ мало сердцемъ; они горюютъ и сокрушаются о судьбѣ и бѣдствіяхъ всего человѣчества, и не видятъ и не хотятъ видѣть и повѣтъ страданія и бѣдствія людей, стоящихъ рядомъ съ ними, и даже болѣе того: своими грубыми непониманіемъ, своей холодной прямолинейностью они еще болѣе увеличиваютъ страданія этихъ людей. Они — люди вѣры, а не любви.

Отсюда понятно, что у нихъ не можетъ быть и довѣрія къ людямъ, къ нѣхъ прав-

ственной силѣ и къ чистотѣ мотивовъ, управляющихъ ими. Довѣріе неразлучно съ любовью — мы только тому доверяемъ, кого любимъ, и, наоборотъ, любимъ тѣхъ, кому доверяемъ. Львовъ и фонъ-Корень не доверяютъ Иванову и Лаевскому, потому что они не любятъ ихъ, а вотъ всему человѣчеству, которое они несомнѣнно любятъ, они также несомнѣнно доверяютъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы поговорить съ ними о будущности человѣчества, мы, конечно, услышали бы отъ нихъ рѣчи, пропитанныя самой горячей и самой искренней вѣрой въ величіе этой будущности, въ возможность нравственнаго возрожденія всего человѣчества и въ безусловно честную заставляющую его дѣятельность. И тѣ же самые Львовъ и фонъ-Корень не хотятъ в слышать, одинъ о честности Иванова, а другой о возможности нравственнаго возрожденія Лаевского. Въ отдаленномъ будущемъ всѣ люди будутъ безкоризвенны во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, но въ настоящемъ этотъ самый Ивановъ, который стоитъ передъ нами, не солидный подлецъ и мошенникъ, потому что прежде любилъ свою жену, а теперь разолюбилъ ее и любитъ другую. Все человѣчество непрерывно перерождается, теряетъ всѣ свои дурныя качества и будетъ блистать намъ совершеннѣйшими добродѣтелями, но отбавная

единица, мой знакомый Лаевскій, ни къ какому возрожденію неспособенъ и никогда никакими добродѣтелями блистать не будетъ и съ нимъ ничего болѣе не остается сдѣлать, какъ отрубить ему голову, что фонъ-Корень и совѣтуетъ. Нужды нѣтъ, что онъ очень плохо знаетъ Лаевского, что чужая душа — потемки, что, наконецъ, никогда нельзя терять надежду на возрожденіе человѣка, такъ какъ и величайшіе злодѣи дѣлались святыми, все равно — Лаевскій живетъ дѣтствомъ, онъ безвѣденъ, онъ увезъ чужую жену, онъ совершилъ такіе-то и такіе-то проступки противъ кодекса правотѣрной морали, и конецъ — надъ нимъ надо поставить крестъ и снести его заживо на кладбище.

У г. Цотапенко есть прекрасный маленькій разсказъ — «Общій взглядъ». Въ немъ повѣствуется о поучительномъ судебномъ случаѣ, гдѣ судьи чуть было не сдѣлали самую заправскую несправедливость только потому, что привыкли въ своихъ рѣшеніяхъ, «для ускоренія», руководствоваться разъ выработанными шаблономъ — «общимъ взглядомъ», не вдаваясь въ разсмотрѣніе индивидуальных особенностей даннаго случая. Львовъ и фонъ-Корень являются точно такими же героями «общаго взгляда». Имъ нѣтъ дѣла собственно до тѣхъ лицъ, съ которыми они сталкиваются, они не даютъ себѣ труда взглянуть въ нихъ и разсмотрѣть нѣхъ настоящую физиономію и истинные мотивы нѣхъ дѣйствій — у нихъ есть готовый, разъ навсегда выработанный шаблонъ, и онъ укладываютъ на это Прокрустово ложе всякаго встрѣчнаго и поперечнаго. Львовъ

говорить дерзости графу Шабельскому и воображает, что онъ совершаетъ гражданскій подвигъ, изобличая тунеядство и расущенность, и не можетъ понять, что отъ Шабельскаго, почти ввзвшаго въ дѣтство старика, смѣшно и спрашивать что-нибудь, а воевать съ нимъ то же, что бороться съ вѣтренными кельницами. Тотъ же Львовъ обличаетъ Иванова и, наконецъ, тяжело оскорбляетъ его, и ужъ тутъ, конечно, воображаетъ себя рыцаремъ правды и добра, «вторымъ Добролюбовымъ», какъ говоритъ Шабельскій, — во внутренній же миръ Иванова онъ и не подумалъ заглянуть. Онъ вполне увѣренъ, что Ивановъ — совзательный подлецъ, и только выстрѣлъ, которымъ убиваетъ себя Ивановъ, разрушаетъ и теоретическія выкладки Львова. Но напрасно было бы думать, что этотъ урокъ вразумитъ его навсегда — слишкомъ велико самоишііе Львова и слишкомъ правится ему его роль «обличителя толпъ, ея страстей и заблужденій». Ничто не поручится намъ за то, что, если завтра онъ встрѣтится съ новымъ Ивановымъ, онъ не приметъ опять за своей «общій взглядъ» и не блеснетъ снова своей непреклонной добродѣтелью такъ же, какъ фонъ-Корентъ, встрѣтивъ новаго Лаевского, не будетъ вѣрить въ возможность для него нравственнаго возрожденія, не смотря на прииіръ пернаго Лаевского.

А герои отвлеченной морали, дѣйствительно, всегда очень высокаго мнѣнія о себѣ — о своихъ качествахъ и своей дѣятельности, и въ своемъ самолюбованіи считаютъ себя непогрѣшимыми, какъ римскій папа. И это неудивительно — они не знаютъ никакихъ сомнѣній въ своихъ приговорахъ; подходя ко всему съ одной и той же иѣрмой, они убѣждены, что всегда правъ ихъ «общій взглядъ», а все, что такъ или иначе отклоняется отъ него, уже тѣмъ савишъ и виновато. Они воображаютъ, что «проповѣдуютъ любовь правдебыннхъ словомъ отрицанья», а на самомъ дѣлѣ они проповѣдуютъ только собственную добродѣтель, и вполне застыли въ величавой позѣ своего самоуслажденія, подобно буддійскимъ божкамъ. «Fiat iustitia, regat mundus» — этотъ афоризмъ изобрѣтенъ ими, а если другой, противоположный ему, афоризмъ: «tout comprendre, tout pardonner» — и парадоксъ, то для нихъ это — самый невзвистный и самый непонятный изъ всѣхъ парадоксовъ. Они обо многомъ илюпочуть, со истиной и со истиной воюють, бѣгаютъ за вкусомъ съ обузломъ, а забываютъ о томъ, что «седанное на потребу», забываютъ, что «Все, кружась, исчезаетъ во вглѣ, Неиздвижно лишь солнце любви».

Посторонній.

< П. П. Перцов >